УДК 330.1+338.2 Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2012. Вып. 3

Н. В. Пахомова, Г. Б. Малышков

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ИМПОРТ ИНСТИТУТОВ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Модернизация российского экологического законодательства: постановка проблемы

По завершении работы предыдущий состав Государственной думы в первом чтении принял основополагающий пакет из восьми законов, призванных радикально модернизировать российское ресурсно-экологическое законодательство. Одно из центральных мест в данном пакете занял законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования нормирования в области охраны окружающей среды и введения мер экономического стимулирования хозяйствующих субъектов для внедрения наилучших технологий» [1], который оценивается как наиболее сложный по своему содержанию и значимый с точки зрения воздействия на применяемый в стране природоохранный механизм. Целью данной законодательной инновации является переход на новую систему нормирования воздействия на окружающую среду, ориентированную на наилучшие доступные технологии (НДТ), которая прошла апробацию в ряде развитых стран, включая государства ЕС [2, с. 10–20].

Намеченный переход в совокупности с предусмотренным в законопроекте рядом других мер призван обеспечить радикальную модернизацию базовых технологических процессов в основных отраслях российской экономики при одновременном снижении негативных воздействий на окружающую среду. Оптимальное сочетание мер государственного регулирования с инициативой хозяйствующих субъектов предполагается достичь посредством развернутой совокупности методов экономического стимулиро-

Надежда Викторовна ПАХОМОВА — д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории экономического факультета СПбГУ. Окончила отделение экономической кибернетики экономического факультета ЛГУ (СПбГУ). В 1974 г. защитила кандидатскую, в 1988 г. — докторскую диссертации. В рамках международных проектов проходила повышение квалификации в университетах г. Тюбинген, Кёльн, Франкфурт/Одер (Германия), Вена (Австрия). Читала лекции в вузах Германии, Словении, Уругвая и Белоруссии. Осуществляла руководство с российской стороны несколькими научными грантами с зарубежными университетами. Член-корреспондент Российской Академии естественных наук и действительный член Академии гуманитарных наук. Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Член Российского отделения международного общества экологической экономики. Автор более 190 научных работ (в том числе на английском, немецком и украинском языках) по новой институциональной экономической теории и конкурентной политике, теории отраслевых рынков, инновационной экономике, экономике природопользования и экологическому менеджменту.

Григорий Борисович МАЛЫШКОВ — канд. экон. наук, доцент кафедры экономики, учета и финансов Национального минерально-сырьевого ун-та «Горный». Окончил экономический факультет СПбГУ. В 2003 г. защитил кандидатскую диссертацию. В рамках международных проектов проходил повышение квалификации в Европейском Университете «Виадрина» (Германия). В период 1999–2003 гг. являлся членом российско-германской исследовательской сети по экономике природопользования и экологическому менеджменту. Автор 10 научных работ в области корпоративной экологической ответственности, экономики природопользования и экологического менеджмента.

© Н. В. Пахомова, Г. Б. Малышков, 2012

вания. Эти стимулы включают поэтапное повышение платы за негативные экологические воздействия и классификацию предприятий на группы в зависимости от уровня интегрированного экологического воздействия (выбросов, сбросов загрязняющих веществ, образования и размещения отходов), а также введение для оборудования, работающего на НДТ, режима ускоренной амортизации [1; 3].

Проект Федерального закона № 584587-5 вносит увязанные с ориентацией на НДТ изменения в целый ряд ныне действующих федеральных законов – «Об экологической экспертизе», «Об охране атмосферного воздуха», «Об отходах производства и потребления», «Об охране окружающей среды», а также Налоговый кодекс, Градостроительный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях и ряд других. По утверждению официальных лиц, данные законодательные инициативы прошли обстоятельную экспертизу и получили поддержку со стороны специалистов, в том числе зарубежных, что позволило перейти к процедуре их официального утверждения [3, с. 3–5].

Предлагаемые меры могут быть оценены как весьма радикальный подход к модернизации ряда базовых принципов ресурсно-экологического законодательства, реализация которых требует не только твердой политической воли и значительных организационных усилий, но и выделения существенных финансовых ресурсов. На это указывает опыт внедрения близких по смыслу институциональных механизмов в Евросоюзе, который по продолжительности охватывает период с 1984 г[1]. Впечатляет и размер выделяемых на эти цели финансовых ресурсов, как и масштаб инициированных преобразований. Так, в развитых странах только инвестиции в возобновляемые энергоносители достигли в 2007 г. 160 млрд долл. [7]. Еще более показательны данные по развитию в странах ЕС сектора биоэкономики, денежный оборот которого в 2009 г. составил около 2 трл евро, численность занятых – более 22 млн человек при доле в общей занятости населения 9% [8].

Что касается России, то следует напомнить, что хотя еще в принятый в 2002 г. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» (ФЗ-7) в качестве основного был заложен принцип снижения негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в соответствии с нормативами, достигаемыми на основе использования наилучших существующих технологий, с учетом экономических и социальных факторов [9, ст. 3], на практике за прошедший после принятия Закона десятилетний период этот принцип фактически не реализовывался. Не были введены в действие и предусмотренные в ФЗ-7 в этих целях налоговые и иные льготы [10]. Перечень нереализо-

[1] Впервые принцип «Наилучшие доступные технологии без чрезмерных затрат» (Best available techniques not entailing excessive costs-BATNEEC) был сформулирован в Директиве Рабочей группы по атмосферному воздуху (Air Framework Directive — AFD) в 1984 г., и он относился к выбросам загрязняющих веществ в атмосферный воздух от крупных промышленных предприятий [4]. Данный принцип был подтвержден в договоре по морскому судоходству на Балтийском море 1992 г. (Helsinki Convention, 1992) и по северо-восточной части Атлантического океана (Oslo-Paris Convection, 1992). В 1996 г. с принятием Директивы ЕС по Комплексному предупреждению и контролю загрязнений (IPPC Directive, 96/61/EC) [5] данный принцип был переосмыслен и расширен до его применения, наряду с контролем за загрязнением атмосферного воздуха, также водных объектов и почвы. Целью данной Директивы было достижение интегрированного предотвращения и контроля за загрязнением перечисленных в Приложении А видов деятельности. Согласно данной Директиве, против загрязнения среды должны быть предприняты все необходимые меры и в особенности посредством применения наилучших из доступных технологий. В развитие Директивы 1996 г. в ЕС были разработаны и утверждены отраслевые справочники наилучших существующих технологий (Best Avaliable Techniques REFerences — BREF) [6].

ванных своевременно нормативно-правовых инициатив может быть продолжен. Так, с большим опозданием и существенной пробуксовкой (по причине административной волокиты и отсутствия заинтересованности у ряда федеральных чиновников и представителей крупного бизнеса) внедряется такая институциональная инновация, как механизмы гибкости Протокола Киото, призванная активизировать участие российских предпринимательских структур в ослаблении опасности глобальных климатических изменений. Следствием этого, наряду с имиджевыми потерями, явилось недоиспользование значительных инвестиционных ресурсов для обновления технико-технологического базиса в энергетическом секторе, оказывающем одно из наиболее существенных негативных воздействий на окружающую среду [11]. И хотя применительно к такому механизму гибкости Киотского протокола, как проекты совместного осуществления (ПСО), положение дел в заключительный период его реализации стало меняться к лучшему[2], общая картина внедрения в стране в последние годы институциональных экологических инноваций не может не вызывать беспокойства.

Законодательное предписание в РФ мер по технологической модернизации, которые призваны существенно поднять уровень экологической безопасности, базируясь на оправдавших себя в ЕС подходах, включая принцип НДТ, можно расценить, применяя профессиональную терминологию, как своеобразный *импорт институтов*. И это заимствование разработанных применительно к другим условиям экономико-правовых механизмов может принести результат, на который рассчитывают инициаторы данных мер, лишь при внедрении их в совокупности с поддерживающими мерами. Анализируемые институты эффективно функционируют зарубежом в адекватной внешней среде, которая целенаправленно формировалась, как было отмечено выше, в течение весьма протяженного временного интервала путем последовательной разработки, принятия и реализации целой системы нормативно-правовых документов. Вопрос о том, будут ли эти импортируемые институты столь же успешно функционировать без соответствующих рамочных условий в российской среде, носит во многом риторический характер. В этих условиях важно выяснить, какие компоненты этого «внешнего окружения» играют ключевую роль в эффективном функционировании изучаемых институциональных инноваций, чтобы рассчитывать на определенный успех от их внедрения в нашей стране.

Подтверждает необходимость углубленного изучения проблемы радикального реформирования ресурсно-экологического законодательства, как и содержания этих реформ, их дискуссионность. Наряду с весьма оптимистичными на этот счет официальными оценками [3, с. 3–5], во-первых, мнения специалистов [13], как и бизнес-сообщества [14], более сдержанны, во-вторых, участниками обсуждения выдвигаются, вместе с контраргументами, пакеты самостоятельно разрабатываемых предложений, направленных на модернизацию экологического законодательства [14].

С учетом всех этих обстоятельств в статье основное внимание уделено трем взаимосвязанным вопросам. *Во-первых*, вкратце освещена суть изменений, предусмотренных проектами нового ресурсно-экологического законодательства, при акценте на меры в области экологического нормирования и экономического стимулирования с позиции их организационно-экономического обоснования. Радикальность наме-

[2] Так, по состоянию на ноябрь 2011 г. в стране были подготовлены ПСО с ожидаемым объемом ввода в обращение свыше 150 млн углеродных единиц при предполагаемом годовом лимите в 300 млн у. е. [12, с. 19].

ченных и частично уже реализуемых изменений, весьма противоречивая практика внедрения нормативно-правовых инноваций в нашей стране, как и наличие противоречивых позиций по сути намечаемых мероприятий, делают необходимым их более глубокое теоретико-экономическое обоснование. Отсюда, *во-вторых*, авторы ставят задачу провести своеобразное тестирование намечаемых мер с опорой на рекомендации экономико-правовой научной школы. При этом учитывается, что в рамках данной школы специально вырабатываются рекомендации по успешному проведению административных реформ, включая обоснование введения системы мер, обеспечивающей эффективную реализацию хозяйствующими субъектами экологической ответственности. И, наконец, *в-третьих*, с учетом того обстоятельства, что в основе предусмотренных к внедрению мер лежит в целом успешный опыт стран Евросоюза по переходу к системе экологического нормирования и стимулирования на основе наилучших доступных технологий (НДТ), этот опыт станет объектом анализа с более широких институциональных позиций и рамочных условий, наличие которых является необходимой предпосылкой их высокой результативности. Это позволит сформулировать более обоснованное представление о совокупности предпосылок, обеспечивающих успешный перенос данной системы институтов на российскую почву.

Радикальная модернизация ресурсно-экологического законодательства: организационно-экономическое обоснование

Нет необходимости подробно обосновывать саму по себе целесообразность радикального реформирования ресурсно-экологического законодательства, что признается не только специалистами, но и официальными лицами [15]. Обратим внимание в этой связи лишь на отсутствие за последние годы каких-либо значимых положительных изменений в ресурсно-экологической сфере, на продолжающееся углубление структурных перекосов в экономике в сторону природоемких производств, растущее отставание от развитых регионов мира в области энергоэффективности и повышения доли возобновляемых источников энергии[3], а также на крайне низкую инвестиционную активность российского бизнеса, в том числе в области экологических инноваций. Одной из значимых причин наблюдаемого усугубления ситуации является отсутствие развитого экологического законодательства, включая законодательную поддержку формирования в стране зеленой энергетики и биоэкономики в целом. Несомненно, подгоняют решение проблемы экологизации ключевых сегментов экономики России и повышения уровня ее безопасности неблагоприятные для имиджа страны информационные сигналы. Речь идет, в частности, о результатах получившего широкий международный резонанс и опубликованного Всемирным фондом дикой природы (WWF) рейтингования предприятий, согласно которым Дания возглавила, а Россия *замкнула первый рейтинг* стран с зелеными бизнес-инновациями, в которых созданы наиболее комфортные условия для развития бизнеса с применением экологически чистых технологий. Всего в рейтинг попало 38 стран, которые были оценены по 15 критериям,

[3] Так, согласно Плану 20:20:20 Евросоюза, страны данной интеграционной группировки поставили к 2020 г. задачу повышения энергоэффективности на 20% и доведения доли возобновляемых источников энергии также до 20% [7]. Для сравнения: в России, согласно «Основным направлениям государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности», доля возобновляемых источников энергии в энергобалансе страны к 2020 г. должна достигнуть лишь 4,5% [16].

относящимся к созданию стартапов с использованием чистых технологий. В пятерку стран-лидеров также вошли Израиль, Швеция, Финляндия и США [17].

Рассмотрим более подробно изменения, вносимые в законодательство Российской Федерации в части совершенствования нормирования в области охраны окружающей среды и экономического стимулирования хозяйствующих субъектов для внедрения наилучших технологий, предусмотренные в проекте Федерального закона № 584587-5 [1]. Целью данной законодательной инновации, подчеркнем еще раз, является кардинальное снижение негативных воздействий хозяйственной деятельности на окружающую среду путем целенаправленной модернизации базовых технологических процессов в основных природоемких отраслях при обеспечении оптимального сочетания мер государственного регулирования с инициативой хозяйствующих субъектов, которая поддерживается согласованной совокупностью экономических стимулов.

Центральную роль в новой системе экологического нормирования и экономического стимулирования повышения уровня экологической безопасности хозяйственной деятельности играют НДТ. Согласно изменениям в ФЗ-7 «Об охране окружающей среды» (ст. 1), предусмотренным в проекте Федерального закона № 584587-5, для НДТ вводится следующее уточненное определение. Наилучшая доступная технология — это совокупность применяемых для производства товаров (продукции), выполнения работ, оказания услуг на объектах, оказывающих воздействие на окружающую среду, технологических процессов, оборудования, методов, способов, приемов и средств, основанных на современных достижениях науки и техники, обладающих наилучшим сочетанием показателей достижения целей охраны окружающей среды и экономической целесообразности, при условии технической возможности их применения [1]. В данном случае, кроме расширения представлений о технологии как таковой, обращает на себя внимание четкое указание на экономическую целесообразность введения НДТ, что находится в полном соответствии с требованием эффективного проведения экологической модернизации и отвечает реализуемым в международной практике подходам.

Экологическое нормирование в анализируемом законопроекте, а также в уже принятых в июле 2011 г. федеральных законах (ФЗ-248; ФЗ-255) [18; 19] трактуется как разновидность технологического нормирования (нормирования выбросов, сбросов и образование отходов), которое должно быть ориентировано на НДТ. Более детально изменения, вносимые в систему экологического нормирования, можно проследить на примере уточнений, предусмотренных статьей 2 проекта Федерального закона № 584587-5 в ФЗ «Об охране Атмосферного воздуха» (ст. 12). Согласно данному законопроекту, технологические нормативы выбросов вредных (загрязняющих) веществ для стационарных источников определяются юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями *самостоятельно* на основе показателей *наилучшей доступной технологии*, включенных в *реестр наилучших доступных технологий*, в расчете на объем выпускаемой продукции и устанавливаются в *разрешении на комплексное воздействие* или утверждаются при представлении *декларации о воздействии на окружающую среду* уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

Новым моментом предполагаемого к реализации природоохранного механизма является выделение на основе интегральных показателей совокупного воздействия на окружающую среду *трех классификационных групп объектов* (предприятий), соответственно, с незначительным, умеренным и значительным уровнями и (или) объемами

воздействия на окружающую среду. С учетом этой классификации на базе объектов со значительным уровнем воздействия на окружающую среду Правительством РФ определяется перечень видов экологически особо опасных объектов, в отношении которых меры государственного экологического регулирования (государственный экологический контроль, государственный учет объектов, оказывающих воздействие на окружающую среду, государственная экологическая экспертиза) осуществляются органами исполнительной власти РФ. Критериями отнесения объектов со значительным уровнем и (или) объемом воздействия на окружающую среду к видам экологически особо опасных объектов являются следующие: вид хозяйственной и иной деятельности (отрасль, сектор отрасли, производство), характеризующийся значительными уровнями и (или) объемами воздействия на окружающую среду; значительные объемы производства продукции для данного вида хозяйственной и иной деятельности; использование в процессе производства и(или) содержание в выбросах, сбросах, отходах производства и потребления химических веществ с радиоактивными, токсичными, канцерагенными и мутагенными свойствами.

Из миллиона предприятий, существующих в России и оказывающих те или иные экологические воздействия, как подчеркивается для обоснования введения данной классификации, только 11,5 тыс. обеспечивают 99% выбросов и сбросов в окружающую среду. Что касается 700 тыс. предприятий с незначительным уровнем воздействия, то они должны перейти на простое декларирование выбросов. 290 тыс. предприятий с умеренным воздействием переходят на установление нормативов по факту сбросов и выбросов. По отношению к 11,5 тыс. особо опасных экологических объектов в законопроекте планируется переход на принципы наилучших существующих доступных технологий — НДТ [20].

Наряду с классификацией предприятий по уровню их экологических воздействий анализируемым законопроектом предусмотрен последовательный переход на экологическое нормирование, базирующееся на технических регламентах, который должен произойти в период с 2012 по 2021 г. в рамках следующих трех этапов. Для предприятий, не предпринимающих мер по модернизации своего производства с целью перехода на НДТ, плата за негативное воздействие к 2015 г. увеличится в 2,2 раза и еще во столько же — к 2021 г. Объем нагрузки на предприятия при этом возрастает с 0,4% в настоящее время до 0,7% от прибыли к 2021 г. Предполагается, что доходы бюджета от платы вырастут с уровня 18,1 млрд в 2010 г. до 50 млрд рублей к 2015 г. и далее — до 87,8 млрд к 2021 г. При этом для предприятий, переходящих на НДТ, плата за негативное воздействие может быть полностью зачтена в форме затрат на эти мероприятия, а после внедрения НДТ ставка платы не взимается [3].

С 2012 до 2014 г. планируется разделить предприятия на категории по степени воздействия на окружающую среду, адаптировать к российским условиям отраслевые справочники. Предприятия за этот период должны подготовить планы мероприятий по снижению воздействия. С 2014 г. предлагается полностью запретить проектирование новых предприятий, не соответствующих принципам НДТ. С 2016 г. планируется запрет на ввод в эксплуатацию новых объектов, чьи выбросы и сбросы не соответствуют НДТ, за исключением тех предприятий, которые проектировались до изменения законодательства. С 2020 г. административные ограничения будут касаться существующих предприятий. При этом, если предприятия до 2020 г. начали программу модернизации, то им будет предоставляться пятилетний переходный период для ее завершения [21].

Планируемые законодательные инициативы носят в целом достаточно продуманный характер, будучи детализированными, как уже отмечалось выше, в подготовленном Минприродой России пакете из восьми законопроектов, охватывающих все основные направления природоохранного законодательства. В этих новых законах определенное внимание уделяется и вопросам экономического характера. Так, проектом Федерального закона № 584587-5 предусмотрено, согласно изменениям, вносимым в ст. 17 ФЗ-7 «Об охране окружающей среды», «предоставление налоговых льгот, льгот по неналоговым платежам, а также предоставление субсидий из федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов в соответствии с законодательством Российской Федерации и муниципальными правовыми актами при внедрении НДТ, нетрадиционных видов энергии, использовании вторичных ресурсов, обезвреживании и использовании отходов производства и потребления, а также при осуществлении иных эффективных мер по охране окружающей среды в соответствии с законодательством Российской Федерации» [1].

Задача экономического обоснования намечаемых мер конкретизируется и применительно к НДТ, направленным на обеспечение комплексного предотвращения или минимизацию негативного воздействия на окружающую среду, в части сопоставления эффективности мероприятий по охране окружающей среды с соответствующими затратами, которые несет субъект хозяйственной и иной деятельности [1]. Экономическое обоснование можно усмотреть и в разграничении всех объектов хозяйственной деятельности на три классификационные группы на основе интегральных показателей совокупного воздействия на окружающую среду. Это разграничение используется в целях уточнения того факта, что применение Правительством РФ требования перевода на НДТ относится лишь к объектам, для которых характерны значительные объемы и/или уровни воздействия на окружающую среду (см. новую редакцию ст. 29 ФЗ «Об охране окружающей среды» [1]). Наиболее существенные изменения должны быть внесены в ст. 16 ФЗ-7, для названия которой предлагается следующая редакция: «Платность воздействия на окружающую среду». Кроме того, данная статья дополняется ст. 16.1–16.6, в соответствии с которыми устанавливаются: плательщики платы за воздействие на окружающую среду; порядок определения платежной базы; порядок исчисления платы, ее корректировки и внесения, а также контроль за правильностью исчисления платы, полнотой и своевременностью ее внесения. Существенно расширено содержание и ст. 17 ФЗ-7, которая получила следующее наименование: «Государственная поддержка деятельности, осуществляемой в целях охраны окружающей среды».

Но все же ряд вопросов, которые различаются по степени их сложности, не получил в этих документах адекватного решения. Во-первых, необходимость оценки эффективности реализуемых природоохранных мероприятий, сама по себе не вызывая возражений, нуждается в другой редакции, а именно: сопоставление комплексного эффекта с понесенными затратами. Во-вторых, применение ее на практике предполагает официальное утверждение обновленной методики оценки эффективности природоохранных мероприятий, включая решение имеющих принципиальную сложность вопросов выбора норматива дисконтирования, учета риска и неопределенности, поиска денежных аналогов оценок социальных и экологических эффектов проводимых мероприятий и т. п. Специалисты несогласны и с известным смешением экологического нормирования с нормированием технологическим, а также с заменой первого вида нормирования вторым. В данном случае напоминается, что экологическое нормиро-

вание выстраивалось в стране в течение нескольких десятилетий и было увязано в достаточно стройную систему разнообразных ограничений, регламентов и требований, направленных на достижение необходимого уровня экологической безопасности производственных процессов и процессов потребления [10, с. 10; 13; 22]. В данном случае целесообразнее было бы полнее обеспечить интеграцию техническихх регламентов, задающих на основе НДТ допустимые, отвечающие лучшей практике, уровни техногенных воздействий на природные среды, с нормативами качества окружающей среды. Технократический подход обнаруживает себя и в новом порядке администрирования технических регламентов, которое, согласно изменениям, внесенным в июле 2011 г. в Федеральный закон «О техническом регулировании», должно осуществляться не органами экологического контроля, а органами технического регулирования [18].

При обсуждении данных законопроектов высказываются и другие критические соображения. Предложенные механизмы снижения издержек перехода на НДТ, как и другие инструменты, носят рамочный характер и потребуют внесения конкретных изменений в Налоговый кодекс и ряд других законодательных актов. Необходимо учесть, что на совершенствование соответствующих разделов законодательства РФ потребуется значительное время, поэтому предложенные Законом сроки перехода предприятий на новые принципы хозяйствования представляются заниженными. К примеру, в настоящее время в Евросоюзе разработано и принято 33 справочных документа по НДТ, которые относятся к различным отраслям промышленности. Из них на русский язык полностью переведены всего три, причем в настоящее время не имеется справочных документов, которые были бы полностью и профессионально переведены на русский язык, отредактированы, адаптированы для российских условий, согласованы либо одобрены в установленном порядке для целей практического применения [23].

Опасение вызывает рамочный характер законодательных инициатив. К примеру, указываются общие критерии разделения предприятий на особо, умеренно, незначительно и минимально опасные, которые должны быть дополнены соответствующими количественными и качественными показателями. Размеры повышающих коэффициентов за сверхнормативные выбросы также четко не определены. Данные опасения разделяют, в частности, представители Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), которые полагают, что вопросы перехода к технологическому нормированию на основе показателей НДТ, а также механизм выдачи и применения комплексных экологических разрешений не имеют однозначно прописанного в законопроекте механизма применения. РСПП считает необходимым более конкретно закрепить в законопроекте право предприятий на применение зачета расходов на природоохранные мероприятия в счет платы за негативное воздействие, в целях исключения возможных споров с регулирующими органами [14].

Специального анализа требует еще ряд проблем, недостаточно проработанных законопроектами. Как хорошо известно специалистам и частично уже отмечалось в статье с приведением новых данных, российский бизнес продолжает демонстрировать значительную инертность в освоении технологических инноваций в целом и экологических инноваций, в частности. И хотя некоторые положительные симптомы в последнее время начинают появляться, например, применительно к переходу на добровольные стандарты зеленого строительства (green standards), а также в области энергоэффективности [24; 25], все же о радикальном изменении ситуации говорить рано. Для модернизации производственно-технологических процессов в соответствии

с требованиями НДТ потребуются существенные инвестиционные ресурсы, для выделения которых собственных средств предприятий может оказаться недостаточно. Встает вопрос о подключении к реализации масштабной экологически ориентированной модернизации основных природоемких отраслей страны финансово-банковских институтов. Что касается банков, то они должны предоставлять заемные средства на относительно длительные сроки и, желательно, с учетом значимости рассматриваемой проблемы, если не на льготных, то на приемлемых для инвесторов условиях. Данный важейший аспект проблемы, хотя и отражен в п. 5 новой редакции ст. 17 ФЗ-7, сформулирован весьма декларативно и требует большей детализации.

Необходимо тщательно проработать и следующий вопрос. Предстоящая масштабная модернизация производственного аппарата, расчеты по которой также пока не предоставлялись, резко повысит спрос на оборудование и технологические системы, отвечающие новым регламентам экологической безопасности и ресурсосбережения. Вопрос о поставщиках соответствующего оборудования, средств контроля, технологических комплексов и систем — отечественных или зарубежных — должен быть проработан самостоятельно. Пока же с учетом намечаемого перехода на европейские справочники по НДТ создается впечатление о формировании устойчивого и широкомасштабного спроса на продукцию машиностроительных, приборостроительных и т. п. предприятий, прежде всего входящих в Евросоюз. В этих условиях обсуждаемые пути обновления экологического законодательства должны быть дополнены совокупностью мер по поддержке соответствующих сегментов национального бизнеса, которая нам представляется остро необходимой, однако на официальном уровне изучается недостаточно.

Новые принципы экологического нормирования, контроля и стимулирования: тестирование с позиции экономического анализа права

Сами по себе меры по радикальному обновлению в России ресурсно-экологического законодательства не только не вызывают возражений, но и заслуживают поддержки. Однако, как подчеркивается в экономико-правовой литературе, законодательные нормы, будучи приняты, не реализуются сами по себе. Особенно важно это иметь в виду, если, как в рассматриваемой нами ситуации, происходит по существу своеобразный импорт или перенос институтов, со всеми сопровождающими подобный перенос опасностями, на которых акцентируют внимание зарубежные и отечественные представители динамического институционального анализа [26; 27, с. 11; 28]. Усиливает сомнения по поводу реализуемости проектируемых изменений в ресурсно-экологическое законодательство весьма противоречивый опыт внедрения в российскую практику ряда институционально-организационных инициатив. На это указывает и наличие существенных разногласий по данному вопросу среди основных заинтересованных сторон, преодоление которых на стадии утверждения законопроектов является необходимой предпосылкой их последующей успешной имплементации.

Широкие возможности для экономического обоснования нормативно-правовых документов и выработки условий успешного проведения административных реформ дает новая институциональная теория, включая такой ее активно развивающийся раздел, как экономический анализ права. Напомним вкратце, что экономико-правовое направление определяется специалистами как область применения экономико-теоре-

тических подходов (первоначально микроэкономики и базисных концепций экономики благосостояния, а затем и (нео)институциональной теории) для оценки состояния и структуры права и правовых институтов, а также их действия и обратного воздействия на экономику [29]. При этом с самого начала экономико-экологическая сфера находится в центре исследовательских интересов представителей данного направления.

В контексте изучаемых в статье проблем центральный интерес представляют идеи сформированной в рамках данного направления школы правового реформизма, представителями которого обосновываются пути проведения эффективных административных реформ [30]. В этом же ракурсе требует осмысления проблема преодоления институциональной инерции и радикального обновления институтов, как и выбор наиболее целесообразного режима ответственности хозяйствующих субъектов за экологический ущерб. Целесообразно осмыслить намечаемый поистине тектонический сдвиг в ресурсно-экологическом законодательстве и под углом зрения развиваемой в рамках данного научного направления концепции *спроса на право*. В данном случае можно сразу заключить, что в российском обществе, судя по всему, сформировались весьма сильные группы интересов, которые смогли «пробить» эту законодательную инициативу, которая весьма чувствительно затрагивает интересы некоторых предпринимательских кругов. Понятно, что упрочению данной решимости способствовала и специфика момента, включая предстоящий саммит Рио+20, вступление страны в ВТО и ряд других обстоятельств.

Начало экономическому анализу частного права было положено Г. Калабрези в статье, опубликованной в 1961 г. [31]. В этой статье закладывались основы формирования нового подхода к оценке эффективности права в противовес традиционным представлениям, согласно которым главной задачей применения правовых норм гражданской ответственности является лишь возможно более полное взимание с нарушителя компенсирующих платежей или штрафных санкций. Суть подхода Калабрези, который был им развит в последующих публикациях [32; 33], состоит в следующем. Главной задачей норм ответственности должна быть минимизация полных общественных издержек (потерь) от инцидентов, которые он подразделил на три категории: *во-первых*, издержки по сокращению количества и опасности инцидентов, осуществляемые, в частности, потенциальным источником аварийных ситуаций; *во-вторых*, общественные издержки от самих инцидентов, возникающие из-за отсутствия оптимальной системы распределения рисков; *в-третьих*, административные издержки по введению норм ответственности за инциденты и контролю за их соблюдением.

Разработанная Калабрези конструкция формирует рамочные условия для совместного анализа проблем *эффективности* и *справедливости*. Рост *эффективности* может достигаться за счет предотвращения приносящей ущерб деятельности и сокращения тем самым первичных издержек лицом, которое может быть причиной инцидентов. Вопрос о *справедливости* имеет прямое отношение к оценке того, насколько возможно сокращение вторичных издержек, связанных с оптимальным распределением рисков от инцидентов, включая передачу их части страховым компаниям путем заключения договоров страхования ответственности с потенциальными источниками экологических инцидентов. В целях сокращения *первичных* и *третичных* издержек от инцидентов Калабрези разработал концепцию актора, обеспечивающего наиболее низкие издержки по предотвращению инцидентов (the cheapest cost avoider). Ответственность должна быть задачей лица, которое находится в лучшей позиции для про-

ведения анализа затрат и результатов между издержками от инцидентов и издержками по их предотвращению. Этот субъект должен предпринимать превентивные меры, если они дешевле тех затрат, которыми обернется инцидент, на избежание которого эти меры направляются. Заключая представление вклада Калабрези, следует отметить, что в своих последующих публикациях он особо подчеркивал, что предлагаемые для повышения ответственности за экологические инциденты меры должны быть всесторонне проверены путем интенсивных эмпирических исследований [34].

Если оценивать под углом зрения этих рекомендаций вводимый в России природоохранный механизм в совокупности образующих его основных инструментов, то следует заключить, что подобного рода обоснования проведены не были. Не был взят на вооружение и вывод Г. Калабрези относительно экспериментальной проверки вариантов реформирования ресурсно-экологического законодательства и применения норм экологической ответственности. Однако, справедливости ради, следует положительно оценить введение с 1 января 2012 г. в действие Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» (ФЗ-225) [35], который уже получил от специалистов наименование экологического ОСАГО. Согласно этому закону, до 1 апреля 2012 г. владельцы 300 тыс. опасных объектов и гидротехнических сооружений, зарегистрированных в Государственном реестре РФ, должны были застраховать свою ответственность перед третьими лицами. Как подчеркивают аналитики, в результате данный сегмент страхового рынка вырастет с 2,6 млрд рублей в 2011 г. до 15–22 млрд — в 2012 г. [36, с.15].

Необходимо также обратить внимание на то, что в данном случае изменяется подход к распределению рисков, значение которого подчеркивалось Г. Калабрези в его концепции учета совокупных общественных издержек от инцидентов. Российская государство перекладывает на плечи владельцев опасных объектов значительную часть издержек по управлению рисками, связанных с ведением бизнеса, снижает тем самым бюджетные расходы, что положительно воспринимается экспертами [36]. Вместе с тем экологическим данное страхование вряд ли может быть названо, поскольку его действие, согласно ст. 2 ФЗ-225, вновь не распространяется на причинение собственно экологического ущерба [37]. Требуют обсуждения и другие предлагаемые к применению меры, направленные на формирование в стране экологически ответственной модели предпринимательства.

Примером попытки напрямую применить жесткие экономические стимулы для поворота предприятий к ресурсно- и экологически эффективным решениям может служить ранее планировавшийся порядок стимулирования нефтедобывающих компаний, направленный на радикальное повышение ими уровня переработки попутного нефтяного газа. О масштабе данной проблемы позволяет судить таблица[4]. Однако внимательное знакомство с предлагавшимся вариантом позволяет констатировать отсут-

[4] Суть проблемы такова. В 2010 г. в факелах было сожжено 15,7 млрд куб. м газа, за что нефтяники могли бы заплатить 75,4 млрд рублей. Минприроды подготовило проект постановления Правительства «О мерах по стимулированию сокращения загрязнения атмосферного воздуха продуктами сжигания ПНГ на факельных установках». В 2012 г. нефтяники обязаны довести утилизацию попутного газа до 95%, что, по утверждению представителей Минприроды, вполне достижимо для нефтяной отрасли в целом. По планам крупнейших нефтяных компаний, на реализацию проектов утилизации ПНГ за период 2010–2015 гг. планируется затратить около 300 млрд рублей — по 50 млрд рублей в год (около 6% суммарных инвестиций в добычу нефти). Такой объем инвестиций, по мне-

ствие комплексного подхода и недоучет всей совокупности факторов, к числу которых относятся проанализированные выше совокупные общественные издержки по соблюдению норм экологической ответственности, на минимизацию которых и должен быть ориентирован природоохранный механизм. Весной 2012 г. нефтяникам все же удалось добиться уточнения данного порядка. Новый вариант постановления Минприроды сейчас находится на рассмотрении в Правительстве. Так, за сверхнормативное сжигание к плате за выбросы будет применен дополнительный повышающий коэффициент 12 в 2012–2013 г., а с 2014 г. он увеличится еще в два раза. Кроме того, предполагается стимулировать разработку проектов по утилизации ПНГ путем введения механизмов вычетов расходов компаний на эти проекты из штрафных выплат Росприроднадзору. В компаниях положительно оценивают новый порядок, считая, что он является наиболее рациональным, поскольку учитывает весь комплекс мероприятий и сложности, сопряженные с утилизацией и использованием ПНГ [39].

Таблица. **Утилизация попутного нефтяного газа в 2010 г. (млн куб. м)**

Компании	Сожжено на факелах	Процент полезного использования в 2010 г.	Процент полезного использования в 2009 г.
Газпром	317,6	85,3	100
Нефтяные компании (ВИНК)	13 255,8	76,6	78,3
ЛУКойл	1996,4	76,8	71,1
Роснефть	5737,2	53,8	65,4
Газпромнефть	1929Ю3	55,6	48,6
Сургутнефтегаз	573,1	95,0	96,8
ТНК-ВР	2014,4	84,6	84,4
Татнефть	53	93,6	90,8
Башнефть	73,5	83,1	83,7
Славнефть	338	71,6	70,8
РуссНефть	440,9	69,8	65,8
НОВАТЭК	60,8	15,8	1,8
Независимые производители	1519,3	57,5	57,7
Операторы СРП (соглашений о разделе продукции)	337,1	88,7	90,8
Всего по России	15 490,7	76,3	78

Источник: [38].

Вместе с тем перекосы, выявившиеся при подготовке первоначальной версии анализируемого решения, целесообразно держать и сегодня в поле внимания. Речь идет не только о необходимости учитывать факт востребованности объемов переработанного сырья со стороны потенциальных потребителей, но и о правомерности применения по существу либерально-экономического подхода к определению штрафных санкций, при котором они ставятся в прямое соответствие с величиной необходимых для ути-

нию федеральных чиновников, позволит снизить показатель сжигания по России в целом до 18% к 2012 г. и 5% к 2014 г.[38].

лизации ПНГ инвестиций по правилам рыночного равновесия издержек и выгод. При таком порядке игнорируются как временные лаги, так и комплексная оценка факторов, необходимых для решения этой действительно острой ресурсно-экологической проблемы. На это обстоятельство необходимо обратить особое внимание, поскольку сходные подходы, без учета всех обстоятельств данной неудачной попытки, отражены и в проекте Федерального закона № 584587-5. Речь идет о новом порядке индексации и корректировки платы за воздействие на окружающую среду, взимаемой с предприятий, не укладывающихся в отведенные им сроки перехода на НДТ.

Экономико-правовой механизм экологической безопасности в ЕС: условия импорта эффективных институтов

Модернизация российского ресурсно-экологического законодательства, направленная на формирование обновленного механизма охраны окружающей среды и экологической безопасности, в существенной мере опирается на успешный опыт ЕС, что специально акцентировалось федеральными руководителями, являвшимися одними из инициаторов и активных проводников данных реформ. Следует отметить, что природоохранный механизм с момента своего формирования после 2-й Всемирной конференции по окружающей среде и развитию (Рио-92) в большинстве стран действительно выстраивался на согласованных на данном форуме принципах, которые были зафиксированы в Декларации Рио.

Однако предполагаемые в настоящее время меры по модернизации в России ресурсно-экологического законодательства и формированию на их основе радикально обновленного природоохранного механизма не пишутся с «чистого листа», а должны быть встроены в ныне действующие в стране механизмы. В целях преодоления значительного разрыва с применяемыми в развитых странах подходами (из-за бюрократической инерции и противодействия современным подходам со стороны ряда влиятельных бизнес-структур) предлагается по существу прямой перенос оправдавших себя в зарубежной практике подходов, включая ориентацию на разработанные в ЕС справочники НДТ. Не подвергая сомнению высокое качество отработанных зарубежом природоохранных механизмов, все же необходимо задатся вопросом: каковы необходимые условия успешности этого своеобразного импорта институтов в новую для них организационно-правовую и социально-культурную среду?

В отечественной литературе обсуждаются правомерность и конкретные формы адаптации зарубежного опыта к условиям отдельных отраслевых и межотраслевых сегментов российской экономики [2; 40]. Необходимость дальнейшей доводки применяемых в ЕС природоохранных механизмов с учетом их опоры на принцип НДТ подчеркивается и зарубежными специалистами [6]. Вопрос о результативности внедрения в экономику в целом согласованного на таких принципах пакета новых инструментов экологической политики, включая решение такой ключевой проблемы, как переход на НДТ, требует специального обсуждения. Не претендуя на исчерпывающее его рассмотрение, поставим задачу привлечь более серьезное внимание к этой проблеме со стороны специалистов и выскажем на этот счет ряд соображений, дополнив уже сделанные ранее замечания.

Ныне действующая в ЕС Директива по Комплексному предупреждению и контролю загрязнений была принята в 2008 г. (IPPC Directive 2008/1/EC)[43] и представляет

собой кодифицированный вариант уже упомянутой выше Директивы 1996 г. (Directive 96/61/EC) [4]. Если сопоставлять содержание данной Директивы с готовящимися к реализации в нашей стране законопроектами, то можно отметить достаточно полное согласование этих документов, прежде всего в части интерпретации НДТ, а также оценки их центрального значения в механизме экологического нормирования и экономического стимулирования. Что касается специфики, то, как показывает знакомство с этими документами, она в большей мере относится к предлагаемому для нашей страны механизму взимания экологических платежей и применения к ним повышающих коэффициентов.

В этой связи есть смысл обратить большее внимание на ряд поддерживающих реализацию современных подходов к природоохранному механизму инструментов. К их числу можно отнести принятое Европейской комиссией Руководство по практическим мерам в области обмена информацией и сбора данных в рамках Директивы по промышленным выбросам (Industrial Emissions Directive — IED, 2010/75/EU). Важную роль в информационном обмене играют специальные справочники по НДТ (BAT reference documents — BREFs), руководства к которым публикуются на страницах официального журнала Европарламента. Особый интерес представляет, на наш взгляд, и деятельность сети из семи специальных институтов, призванных проводить систематические исследования в области прогрессивных технологий, а также изучающих взаимосвязи между технологическим развитием, с одной стороны, динамикой экономических и социальных процессов, — с другой. Эти исследования сопровождаются выдачей рекомендаций и промышленникам, и регулирующим органам, и законодателям. Важную роль играет и созданная в рамках Евросоюза инфраструктура, поддерживающая практическую реализацию Директивы 2008/1/EC, а также нормативно-правовых актов, принятых в последующие годы, элементом которой является специализированное Европейское бюро (the European IPPC Bureau — EIPPCB).

Ныне действующая система экологического законодательства в ЕС выстраивалась в течение трех прошедших десятилетий, а не формировалась, как в нашей стране, «единым махом». С учетом многообразия принятых документов и в целях согласованного выполнения всех директив и предписаний в рамках ЕС создана и еще одна специальная сетевая структура, которая обеспечивает координацию деятельности экологических служб отдельных государств-участниц в вопросах эффективной реализации норм природоохранного законодательства (European Union Network for the Implementation and Enforcement of Environmental Law). Значительное внимание в рамках этой сети также уделяется обмену лучшим опытом, формированию в странах озабоченности экологическими проблемами, установлению обратных связей с законодателями в целях повышения качества законодательного процесса и оперативного отклика на потребности заинтересованных сторон и вызовы времени. Как нам представляется, формирование подобной научно-исследовательской и информационной инфраструктуры является необходимым условием эффективной имплементации обновляемого экологического законодательства и широкого распространения среди российского бизнеса лучших практик экологически ответственного и ориентированного на инновационные решения менеджмента.

Литература

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования нормирования в области охраны окружающей среды и введения мер экономического стимулирования хозяйствующих субъектов для внедрения наилучших технологий): Проект Федерального закона № 584587-5. URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/14977.html (дата обращения: 09.04.2012).

2. Наилучшие доступные технологии: опыт и перспективы / Е. Б. Королева, О. Н. Жигилей, А. М. Кряжев, О. И. Сергиенко, Т. В. Сокорнова. СПб., 2011.

3. Модернизация экологического законодательства: Доклад министра природных ресурсов и экологии РФ Ю. П. Трутнева на заседании Президиума Госсовета, 9 июня 2011 г. // Экология производства. 2011. № 7 (84). С. 3–11.

4. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/ Наилучшая доступная технология (дата обращения: 17.03.2012).

5. Council Directive 96/61/EC of 24 September 1996 concerning integrated pollution prevention and control // Official Journal. L 257. 10/10/1996. P. 0026–0040 (Директива по Комплексному предупреждению и контролю загрязнений — IPPC), 96/61/EC). URL: http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31996L0061:en:HTML (дата обращения: 09.04.2012).

6. *Silvo K., Jouttijärvi T., Melanen M., Ruonala S.* Best Available Techniques (BAT) in the Finish and Paper Industry — a Critical Review // European Environment. 2005. Vol. 15. P. 175–191.

7. *Бобылев С. Н., Захаров В. М.* Кризис: экономика и экология. М.: Институт устойчивого развития. Центр экологической политики России. 2009. URL: www.sustainabledevelopment.ru/upload/File/Books/Inst_book_7.pdf. (дата обращения: 27.05.2012).

8. EC, Facts and figures on the CFP, Basic Statistics Data. 2010.

9. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» (от 10 января 2002 №7-ФЗ, в ред. Федерального закона №248-ФЗ от 19.07.2011). М., 2011.

10. *Гусев А. А.* Особенности устойчивого развития в современных экономических условиях // Экономика природопользования. 2010. № 5. С. 3–14.

11. *Пахомова Н. В., Краснов А. М.* Политика в области глобальных климатических изменений: инструменты, целевые ориентиры и инновационные стратегии бизнеса // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2010. Сер. 5: Экономика. Вып. 2. С. 20–34.

12. Киотский протокол и выбросы предприятий // Экология производства. 2011. № 12 (89), декабрь. С. 16–22.

13. *Гусев А. А.* Проблемы создания низкоуглеродной экономики в России // Экономика природопользования. 2011. № 4. С. 10–17.

14. Позиции РСПП по проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ». URL: http://рспп.рф/position/view/35?year=2010 (дата обращения: 12.12.2011).

15. Экологические аспекты модернизации экономики // Экология производства. 2011. № 8 (85), август. С. 3–6.

16. Основные направления государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2020 года: Распоряжение правительства РФ от 08.01.2009. URL: http://www.government.ru/gov/results/6471/ (дата обращения: 27.05.2012).

17. Россия — последняя в рейтинге стран, развивающих «чистые» технологии. URL: http://www.greenstand.ru/news/view/1247.html (дата обращения: 28.02.2012).

18. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с реализацией положений Федерального закона «О техническом регулировании»: Федеральный закон Российской Федерации от 19 июля 2011 г. № 248-ФЗ. URL: http://www.rg.ru/2011/07/22/regulirovanie-izmeneniya-dok.html (дата обращения: 09.04.2012).

19. О внесении изменений в Федеральный закон «О техническом регулировании»: Феде-

ральный закон. № 255-ФЗ (от 21 июля 2011 г. с изменениями от 30 ноября 2011 г.). URL: http://base.garant.ru/12188179/ 1 (дата обращения: 09.04.2012).

20. «Кнут и стимул» Юрий Трутнев. URL: http://www.rg.ru/2011/06/07/trutnev.html (дата обращения: 09.04.2012).

21. Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://www.council.gov.ru/lawmaking/sf/2011/5/index.html (дата обращения: 25.05.2012).

22. *Бабина Ю. В.* Изменение природоохранных требований и техническое регулирование // Экология производства. 2011. № 10 (87), октябрь. С. 14–21.

23. *Пахомова Н. В., Сергиенко О. И.* Продовольственная безопасность: глобальные вызовы, современные приоритеты и учет в российской практике // Экономика и управление. 2011. № 12–74. С. 15–22.

24. *Примак Л. В.* Строительство по зеленым стандартам — теперь и в России // Национальные проекты. 2010. № 12. С. 40–42.

25. *Щукин А.* Жизнь по зеленому коду // Эксперт. 2012. № 13 (2–8 апреля). С. 30–36.

26. *Эггертссон Тр.* Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001. С. 11.

27. *Норт Д.* Институциональныые изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 6–17.

28. *Кирдина С., Кирилюк И., Рубинштейн А., Толмачева И.* Российская модель институциональных изменений: опыт эмпирико-статистического исследования // Вопросы экономики. 2010. № 11. С. 97–114.

29. *Mercuro N., Medemo G. S.* Economics and the law: from Posner to post-modernism. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1997. P. 1–3.

30. *Rose-Ackerman S.* Public Law versus Private Law in Environmental Regulation: European Union Proposals in the Light of United States and German Experience // Law and Economics of the Environment / eds Eude Er., van den Bergh R. Oslo: Juridisk Forlag, 1996. P. 13–39.

31. *Calabresi G.* Some Thoughts on Risk Distribution and the Law of Torts // Yale Law Journal (The Yale Law Journal Company, Inc.) 1961. Issue 70 (4). P. 499.

32. *Calabresi G.* The Cost of Accidents: A Legal and Economic Analysis. New Haven: Yale University Press, 1970.

33. *Calabresi G., Hirschoff J. T.* Towards a Test for Strict Liability in Torts // Yale Law Journal. 1972. Issue 81. P. 1055.

34. *Calabresi G., Klevorick A. K.* Four Tests in Liability in Torts // Journal of Legal Studies.1985. Issue 14 (December). P. 585–627.

35. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 225-ФЗ. URL: www.rg.ru/2010/08/02/osgo-dok.html (дата обращения: 27.05.2012).

36. *Великанова О., Вильде Т., Денисенко Т.* Сработали на сжатие // Эксперт Северо-Запад. 2012. № 2–3. С. 11–16.

37. *Яжлев И. К.* Страхование опасных объектов: экологические аспекты // Экология производства. 2012. № 2 (91). С. 8–12.

38. *Шатилова Е.* Нефтяники сжигают 25% попутного газа. URL: http://www.rbcdaily.ru/2011/04/06/tek/562949980006292 (дата обращения: 27.05.2012).

39. *Юст К.* В этом году штрафы для нефтяников за сжигание ПНГ могут составить 50 млрд рублей. URL: http://www.rbcdaily.ru/2012/05/30/tek/562949983977500 (дата обращения: 30.05.2012).

40. *Пахомова Н. В., Сергиенко О. И.* Интегрированная продуктовая политика и производство экологически безопасного продовольствия: опыт ЕС и перспективы для России // Проблемы современной экономики. 2011. № 1 (37). С. 294–300.

41. Directive 2008/1/EC of The European Parliament and of The Council of 15 January 2008 concerning integrated pollution prevention and control // Official Journal of the European Union. L 24/8–24/25. 29.01.2008.

Статья поступила в редакцию 10 мая 2012 г.